

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 1

Зима 2014

Европейская и евразийская безопасность: точки зрения из России.....	1
«Возвышение» Китая глазами России: Источник угроз или новых возможностей?.....	3
<i>Анастасия Соломенцева</i>	
Россия и события «арабской весны».....	44
<i>Александр Высоцкий</i>	
Взгляд России на отношения с Грузией после выборов 2012 г.: последствия для региональной безопасности.....	70
<i>Николай Силаев и Андрей Сушенцов</i>	
«Цветные революции» и «Арабская весна» в российском официальном дискурсе.....	95
<i>Юлия Никитина</i>	
Политика России в эпоху перемен: внешние и внутренние факторы трансформации.....	113
<i>Денис Алексеев</i>	
Украинский кризис и его влияние на реализацию проекта создания Евразийского экономического союза.....	132
<i>Марина Лапенко</i>	
Передача власти в Центральной Азии и угрозы региональной стабильности.....	149
<i>Сергей Ю. Шенин</i>	

Политика России в эпоху перемен: внешние и внутренние факторы трансформации

Денис Алексеев *

Несколько месяцев с начала 2014 года привели к беспрецедентному падению международного имиджа Российской Федерации на мировой арене с момента окончания Холодной войны. События на Украине и реакция на них со стороны значительного количества стран мирового сообщества вывели Россию в разряд государств, внешняя политика которых вызывает реакцию резкого осуждения. Впервые за несколько десятилетий против России введены международные санкции, принятые целым рядом крупнейших государств, которые *de facto* выводят Россию в разряд государств-изгоев и призваны оказать давление на ее элиту, которая ответственна за проведение в жизнь внешнеполитических решений. Для многих экспертов, происходящее ассоциируется с новым резким поворотом в российской внешней политике. Однако нам представляется, что современный этап охлаждения отношений с Западом логически вытекает из характера строительства российского государства в последние несколько лет и едва ли мог развиваться по другому сценарию. В данной статье представлена точка зрения автора на механизмы и логику формирования российского внешнеполитического курса, который принимает новые формы на протяжении последних трех лет. Данный анализ может способствовать более детальному пониманию российской мотивации в международных отношениях и поиску возможных вариантов и механизмов диалога между Россией и Западом.

Новый срок президентства Владимира Путина, стартовавший в 2012 году, характеризуется существенной трансформацией российского внешнеполитического курса, как в отношении соседних государств, так и в мировой политике в целом. Большинство комментаторов склонны связывать данную трансформацию с внутренними социальными процессами в России, подъемом общественной активности и трансформацией качественных характеристик российской национальной элиты. Однако, на наш взгляд, современную российскую внешнеполитическую концепцию характеризует сложная комбинация трех факторов, как внешних, так и внутренних:

- А. Эволюция политической системы, которая произошла в результате конкуренции между различными группами элит внутри России за последние 3–5 лет. Сформированный в результате этих процессов политический спектр России имеет сложную структуру, которая включает либерально-экономические, консервативно-политические и олигархические элементы. Конкуренция между ними в значительной степени определяет комплексный характер современной российской внешней политики.

* Саратовский государственный университет, Кафедра международных отношений и внешней политики России, Саратов, Россия, alexeyevds@rambler.ru.

- Б. Евразийский проект экономической и политической интеграции, который, в понимании российских лидеров, является ключом к развитию России в 21 веке. Успех или неудача на пути реализации масштабных шагов по реинтеграции пост-советского пространства воспринимается едва ли не как основной показатель эффективности нынешней российской политической системы и ее внешнеполитической стратегии.
- В. Ситуация в области международной безопасности, которая характеризуется широким спектром неопределенностей и угроз на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и Афганистане.

Нам представляется важным провести анализ степени влияния вышеуказанных факторов на современную российскую внешнюю политику, а так же определить перспективы ее эволюции под влиянием каждого из них. Данный анализ позволит ответить на ряд ключевых вопросов о том, что будет доминировать в принятии внешнеполитических решений современной России: реактивный или проактивный вектор, и как он будет трансформироваться в ближайшие годы.

Российская элита

Для ответа на поставленные вопросы необходимо, прежде всего, определить структурные характеристики современной российской элиты. Их можно условно разделить на два принципиально связанных сегмента. Первый представляет собой иерархию и распределение экономического и финансового влияния и интересов внутри правящего класса, сформировавшееся за годы первых сроков президентства Владимира Путина. Второй – ценностную ориентацию представителей элиты в системе политического управления страной.

Общий спектр российской элиты, на первый взгляд, довольно легко определить. За первые десять лет, начиная с 2000 года, в России выделились четыре основных группы влияния. Первая из них включает в себя так называемый «ближний круг» Путина из Санкт-Петербурга и его друзей по службе в силовых структурах. Все они в той или иной степени получили контроль за крупнейшими промышленными и сырьевыми активами в государстве, включая сырьевой сектор экономики. Эта группа современной российской элиты достаточно хорошо исследована экспертами и аналитиками и представляет собой сложную систему кланово-родственных связей, результатом которых стал контроль за ключевыми секторами экономики в сфере добычи энергоресурсов и тяжелой промышленности, которые во многом формируют бюджетное наполнение в стране. Именно эти люди попали в первую группу лиц, против которых были введены санкции государств ЕС и США.

Значительный сегмент современной политической элиты составляет силовой блок в российской государственной системе. Это представители Министерства обороны, силовых структур ФСБ и МВД, которые во многом связаны с первой группой ближайшего окружения Путина, но не имеющие прямого влияния на финансовые потоки, а скорее, обеспечивающие устойчивость новой системы распре-

деления экономического влияния и государственного управления в стране, включая политическую стабильность. Взамен, государство гарантирует им широкие полномочия и возможности, включая высокие затраты на финансирование этих секторов через разветвленную систему преференций, финансового обеспечения и иных форм государственной поддержки.

Особо следует отметить, что наличие большого количества чиновников и государственных служащих, имевших опыт служб кадровыми офицерами в армии, флоте и специальных службах напрямую связан с процессом распада СССР и реструктуризацией армии и спецслужб, когда порядка 300 тысяч бывших офицеров влились в систему гражданской жизни. По данным исследования Центра изучения элит Ольги Крыштановской, к 2003 году доля бывших офицеров, получивших назначение в федеральные и региональные органы власти составляла почти 35%.¹ Такое соотношение еще более увеличилось за время второго срока президентства Путина.

Третья группа, представляющая существенные экономические интересы в стране, – это крупные российские олигархи «первой волны» в которую вошли владельцы крупного бизнеса, получившие его в результате приватизации начала 90-х годов. Эта группа была в значительной степени поставлена под контроль государственной власти с использованием инструментов политического давления. Дело Компании «ЮКОС» и судьба Михаила Ходорковского наглядно продемонстрировали, что олигархический капитал, не желающий действовать в рамках новых политических реалий – обречен на исчезновение. Однако, не смотря на то, что большинство российских олигархов встроены в современную систему российского государства, они представляют собой довольно мощную и вполне самостоятельную группу влияния, которая может оказать существенное воздействие на власть в отдельных вопросах внутренней и экономической политики.

Отдельного внимания заслуживает группа, представляющая либерально-экономические интересы. Подъем этой группы связан с привлечением президентом Дмитрием Медведевым в ряды современной российской элиты молодого поколения либералов-технократов. В данную группу входят экономический и финансовый блок кабинета министров, руководство Центрального банка, некоторых структур научной элиты России, включая Российскую академию наук и руководство крупнейших ВУЗов страны. Однако данная группа российской элиты имеет ограниченное влияние на принятие внешнеполитических решений и вынуждена действовать в определенных рамках, устанавливаемых на более высоком уровне. И, тем не менее, роль этой группы значима поскольку, как это ни парадоксально, российская экономическая модель в основе своей носит либеральный характер, а следовательно должна управляться исходя из данных принципов. Все попытки администрации Президента ввести в либеральную модель элементы социального государства, как правило, наталкиваются на сопротивление либерально-экономи-

¹ Ольга Крыштановская, «Режим Путина: либеральная милитократия?», *Pro et Contra* 7:4 (Осень 2002): 158–180.

ческого блока, где понимают, что высокие социальные обязательства подрывают основы функционирования существующей российской экономики и ведут к ее замедлению. В этой связи и Путин и представители его администрации во многих случаях вынуждены прислушиваться к рекомендациям либерально-экономического блока правительства.

В нашей классификации мы не упоминаем представителей политической элиты в регионах России. Безусловно, среди региональных лидеров достаточно много влиятельных политических фигур, однако есть причины не учитывать их роль в определении внешней политики государства. В период становления российского государства 90-х годов и ослабления влияния центральной власти, преобладающей моделью взаимоотношений в конструкции политического управления в России формировались региональные клиентелистские отношения, которые, как правило, представляли собой авторитарный симбиоз региональной политической власти и зависимого от нее бизнеса. Во многом, такая модель стала следствием советской партийной системы управления.² При отсутствии идеологического фактора и снижении влияний Москвы в регионах в период 1991–1998 годов, отношения центр-периферия становились размытыми. Однако с уходом Ельцина, данная тенденция получила обратный импульс. Укрепляя элементы государственного управления в единую «вертикаль власти», Путин фактически лишил региональные элиты сколько-нибудь заметной роли в формировании внешнеполитического курса России.

Примечательно, что процесс вытеснения региональной элиты из политического пространства федерального уровня занял относительно немного времени. Как показывают исследования, проведенные Институтом социологии Российской Академии наук, в 2004 году, в момент начала строительства «вертикали власти», отмены выборов губернаторов и усиления контроля Москвы за процессами в регионах, политики в регионах высказывали недовольство, говоря о разрастании конфликта между центром и субъектами федерации.³ Однако уже в 2006 году, согласно опросам и исследованиям того же Института, настроения среди региональных элит резко изменились. Абсолютное большинство региональных лидеров стало поддерживать инициативы Кремля и выступать за необходимость укрепления «вертикали власти», научившись извлекать экономическую и политическую выгоду из новой системы распределения полномочий.⁴

Таким образом, мы можем констатировать, что в условиях целенаправленной политики федерального центра необходимо всего 2–3 года для смены характера и структуры российской политической элиты. Этот факт важно иметь в виду и сопоставлять его с процессами реформирования российской элиты, стартовавшими в 2012 году. Именно этот процесс мы и рассмотрим далее.

² Сергей Бирюков, «Всепроникающая клиентелла», *Свободная мысль* 7 (2012): 32–33.

³ А.Е. Чирикова, «Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен», *Политические исследования* 6 (2008), с. 101.

⁴ Там же, с. 105.

Не углубляясь в подробный анализ персонального состава различных групп российской национальной элиты, можно констатировать лишь тот факт, что за годы нахождения Путина у власти эта элита разрослась, обзавелась самостоятельными интересами и клиентурой в политических партиях, различных слоях бизнеса, общества и представляет собой сложную систему противоречий интересов и влияния. Внутри нее начинают время от времени происходить столкновения и конфликты интересов, которые, как правило, разрешаются на уровне центральной фигуры в данной конструкции – Президента. Позиция Путина, как модератора в сложной системе политических и экономических интересов элиты делает его место в данной системе двояким. С одной стороны это дает возможность президенту контролировать внутренние процессы в государстве, не позволяя одной или другой группе элит усилиться и доминировать на политическом поле. С другой стороны, вынуждает его лавировать в процессе принятия решений относительно внутренней и внешней политики, что ставит его, порой, в достаточно жесткие условия выбора. Иными словами, президент становится заложником той политической системы, которую он создавал на протяжении многих лет.

Следствием разрастания элиты стала ее большая фрагментация и разделенность на сегменты и группы интересов.⁵ При этом, появился и растущий конфликт между обществом и элитой, который наглядно проявился в волне общественного подъема оппозиционных сил в российской политике 2011–2012 гг. Итогом массовых выступлений оппозиционных сил, лидеры которых, по убеждению Кремля, имели определенные связи с Западом, стал окончательный выбор политических и ценностных ориентиров в среде политического руководства России. По нашему мнению, жесткая реакция и подавление наиболее активных членов оппозиционных организаций и политических объединений стала первым шагом на пути к трансформации внешнеполитического курса России. Для российской власти это стало сигналом для двух процессов: дискредитации идеи либеральной оппозиции в массовом сознании и «национализации элит».

Давление российской власти на оппозицию выглядит достаточно объяснимо, как стремление обеспечить определенный уровень социальной и политической стабильности внутри государства. Данная тенденция всегда была характерна для советской и российской политической системы. Формирование ограниченного пространства политических институтов и партий, в котором система не испытывает внутренних угроз, давно стала российской реальностью и после краха СССР. Укрепление «вертикали власти», не смотря на снижающуюся степень управляемости в регионах, рассматривается Москвой, как одно из заметных достижений со времени окончания президентства Бориса Ельцина. «Цветные революции» в ряде пост-советских республик убедили российский правящий класс в том, что контроль за политическим процессом в России гарантирует определенный иммунитет

⁵ «“Политбюро 2.0” Накануне перезагрузки элитных групп», Январь-Февраль 2013, Доклад Коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг», 19.02.2013, доступно на http://minchenko.ru/netcat_files/File/Politburo_full.pdf.

против социальных потрясений в обществе. Отсутствие реальной политической конкуренции и предсказуемость выборов воспринимается как один из важнейших элементов российского политического пространства. Данный факт определяет медленное развитие институтов гражданского общества и политической активности граждан современной России. Именно поэтому в центре нашего внимания не российское общество, а узкий слой политической элиты, который монополизировал политическое пространство России.

«Национализация элиты» в данной конструкции выступает как новый элемент, определяющий характер российской внешней политики, и требует более подробного анализа. Под «национализацией элит» следует понимать пакет законов, принятых Государственной Думой в период с 2012–2013 года ряда законов, запрещающих государственным служащим иметь финансовые активы и недвижимое имущество в других государствах. Данное движение было формально подведено под программу борьбы с коррупцией, но на самом деле имело большое политическое значение. Дело Магницкого, обострившее отношения между США, ЕС и Россией показало большое количество стратегических рисков, связанных с широкой интеграцией большого числа российских чиновников в европейскую и американскую экономическую систему. Данный факт вызывал не только недовольство среди населения, но и, с точки зрения команды Путина, делал политический класс России уязвимым в случае обострения конфронтации с Западом.

Еще одной причиной взятого курса на консолидацию правящего класса вокруг государственной системы России являются результаты президентских выборов 2012 года. Не секрет, что возвращение Путина во власть в качестве президента вызвало негативные эмоции у значительного большинства западных политиков и наблюдателей. Понимая это, Путин предпринимает возможные шаги, для того чтобы минимизировать возможности давления на него через часть российской элиты с экономическими и финансовыми интересами на Западе. Учитывая взгляды самого Путина, а также уверенность многих людей в его окружении, что любые политические трансформации, которые происходили и могут произойти на постсоветском пространстве в той или иной степени спонсируются Западом, это следует воспринимать, как защитный маневр.

Кроме того, в своем послании к федеральному собранию в декабре 2012 года Владимир Путин особо подчеркнул необходимость возврата экономической элиты страны из офшорных зон под юрисдикцию России.⁶ Таким образом, наметился параллельный процесс национализации экономической элиты России. Толчком к этому стали события связанные с экономическим кризисом на Кипре, а также резкое обострение бюджетной ситуации в самой России. Так или иначе, стимулирование возвращения капиталов в Россию рассматривается Кремлем как процесс

⁶ «Стенограмма Послания президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию», *Российская газета*, 12 декабря 2012 года, доступно на <http://www.rg.ru/2012/12/12/stenogramma-poln.html>.

минимизации возможных геополитических рисков, связанных с возрастающим внешним давлением.

Естественно, что скорость указанной национализации элит не может быть быстрой. Однако складывающаяся с 2012 года тенденция имеет однозначную характеристику подготовки России к отражению возможных вызовов в случае нарастания противоречий в политике и экономике со странами Запада. Безусловно, Россия не сможет избежать глубокой связи с глобальной экономикой и отказаться от своей роли одного из крупнейших экспортеров энергоресурсов. Европейский Союз также сохранится в качестве главного экономического партнера, однако процесс вывода элит из непосредственного экономического контакта с внешним миром воспринимается в Кремле как своеобразная страховка от прямого давления. Следует также напомнить пример федеральной реформы и построения «вертикали власти» с 2004, когда за три года была полностью изменена схема подчинения регионов центральной власти в Москве. При целенаправленной политике Кремля, масштабное переформатирование политической системы может занять те же 2–3 года. Иными словами, в 2014–2015 году мы, вероятно, будем наблюдать окончательное завершение нового оформления структуры российской элиты, и, как следствие, новый характер внешней политики России.

Если упрощать характеристику современной российской внешнеполитической линии в ее связи с внутренними процессами в стране, то она носит скорее оборонительный характер. Логика такой обороны строится по традиционной линии противостояния Восток–Запад. Усиление традиционалистов–этатистов в российской правящей элите и ее национализация должна снизить геополитические риски в случае усиливающейся конфронтации с Западом, которая заметно обострилась к концу 2012 года. Кульминацией конфронтации Запада и России в 2012 году можно назвать принятие закона Магницкого в Конгрессе США и некоторых государствах Европы, а также ответных законов, принятых Государственной Думой России. По большому счету, именно с этого момента начинается работа по внедрению системной политики формирования «новой» социально-ценностной базы для отношений с Западом. Это дало старт постепенной подготовки российской политической системы к возможному дальнейшему ухудшению политических отношений с Европой и США.

Особенности развития пост-советских государств в условиях распада СССР, экономической и политической дезинтеграции начала 90-х годов сформировали во властных кругах определенный комплекс. Данный комплекс заключается в постоянном опасении возможного внешнего посягательства на суверенитет власти, который сложился в России на протяжении последних двух десятилетий. Этот фон дал старт важному процессу в современной российской внутренней политике: активной коррекции системы национальных ценностей.

Таким образом, итогом политических преобразований стартовавших в России с 2012 года можно назвать два ключевых результата. Во-первых, национализация правящего класса с упором на максимальную лояльность политической системе, а также победа группы традиционалистов-государственников над либеральным

крылом внутри российской элиты. Во-вторых, оформление новых ценностных ориентиров современной России. Окончательно утвердилась и начала активно внедряться в массовое сознание новая система консервативных ценностей. Ее можно определить, как «новый российский консерватизм». Основные тезисы российского консерватизма сформулировал Владимир Путин в ряде выступлений, включая интервью американскому агентству Associated Press, назвав себя «консерватором-прагматиком»⁷ и послании Федеральному собранию в декабре 2013 года. По словам Путина,

в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира. Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию.⁸

Следует отметить, что современное прочтение российского консерватизма в объяснениях российских лидеров представлено весьма абстрактно. Слишком большой акцент делается на общечеловеческих ценностях (равенства, справедливости, семьи, духовности), которые в России непременно относят к консервативным, хотя они присущи едва ли не любой из современных идеологий. Однако, в самых общих чертах суть «нового российского консерватизма» можно определить сочетанием патриотизма и традиционализма, а также в поддержании преемственности между современной Россией и историческим корням российской государственности (Царской империи и СССР). В это понятие также включается и стремлением вернуть России статус лидера на постсоветском пространстве и самостоятельного игрока на мировой арене за счет укрепления военно-политического и экономического влияния в Евразии. Иными словами, российский консерватизм к самому понятию консерватизм имеет отношение весьма отдаленное. Здесь, на наш взгляд, стоит согласиться с мнением руководителя Центра комплексных социологических исследований Института социологии Российской академии наук Владимиром Петуховым, который утверждает, что консерваторов в привычном понимании этого термина в России очень мало. «То, что мы наблюдаем в современной российской политике – это сочетание традиционализма с этатизмом, причем в формах присущих скорее советскому восприятию государства».⁹

⁷ Эксклюзивное интервью Владимира Путина *Первому каналу* и агентству *Associated Press*, 4 сентября 2013, доступно на <http://www.1tv.ru/news/social/241135>.

⁸ Послание президента Владимира Путина Федеральному собранию, 12 декабря 2013, <http://kremlin.ru/news/19825>.

⁹ Стенограмма выступления Владимира Петухова на Круглом столе «Проект создания консервативного человека для современной России: социальные реалии и перспективы»

Важной особенностью нового русского консерватизма является удивительное сочетание экспансионизма и изоляционизма. В качестве одной из ключевых составляющих новой идеологической доктрины сохраняется дуалистическое деление мира на Запад и Восток. Современная российская элита всячески демонстрирует стремление не допустить проникновения Западного ценностного пласта в пространство традиционной Евразии и изолировать себя от деструктивного влияния ценностной системы Западного мира. В то же время, продвижения собственных ценностных и идеологических конструкций на сопредельные государства является неотъемлемой частью внешней политики.

Еще одним элементом нового российского консерватизма следует назвать закрепление в обществе особого статуса правящей элиты. В этой связи интересный тезис высказал профессор факультета прикладной политологии Высшей школы экономики Леонид Поляков. Российский консерватизм – это традиционная устремленность к власти.¹⁰ Иными словами, в российском понимании данная идеология, как правило, призвана закрепить ту форму политического механизма, который обеспечивает пребывание у власти существующей конструкции государственного управления. Отсюда происходит специфическое российское понятие «партия власти», то есть, сила, которая доминирует в политической системе страны и идеологически направленная на обеспечение *status quo* во властном пространстве государства.

Для закрепления тренда по внедрению новой ценностно-идеологической конструкции в массовое сознание, власть предпринимает ряд усилий по реформированию информационного и социального пространства внутри России. К этому можно отнести систему шагов по усилению контроля за средствами массовой информации. Реформирование агентства РИА-Новости и замену его на Международное информационное агентство «Россия Сегодня», давление на ряд независимых СМИ. Принятие ряда законов, ограничивающих свободу деятельности неправительственных организаций и общественных движений, институтов гражданского общества, введение понятия «иностранный агент». Все эти действия должны, по мнению власти, сформировать необходимое информационное пространство для трансляции принятых ценностно-идеологических конструкций в массовое сознание большинства населения.¹¹

Яркой иллюстрацией внедрения нового идеологического императива в массовое сознание политически аморфного большинства является создание в конце 2011 году движения «Общероссийский национальный фронт» (ОНФ). Данное объединение, включившее в себя несколько сотен общественных организаций, вклю-

(Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 15 мая 2014), http://www.gorby.ru/userfiles/02_petuhov_red_.pdf.

¹⁰ Леонид Поляков, «Пять парадоксов российского консерватизма», *Отечественные записки* 17:2 (2004), доступно на www.strana-oz.ru/2004/2/pyat-paradoksov-rossiyskogo-konservatizma.

¹¹ «Президент взял курс на консерватизм», *Независимая газета*, 30 декабря 2013, доступно на http://www.ng.ru/politics/2013-12-30/3_conservative.html.

чая партию «Единая Россия», должно было выполнить роль объединения широких слоев общественности вокруг правящей элиты персонифицировав ее в лице Владимира Путина перед президентскими выборами 2012. Данный шаг был необходим, поскольку существовавшая ранее опора правящей элиты на возможности электоральной мобилизации населения за счет административного ресурса партии «Единая Россия» себя во многом исчерпали. В Манифесте ОНФ говорится, что необходимо «объединиться вокруг общих ценностей, которые составляют суть нашего национального характера и нравственной основы нашей жизни. Это – стремление жить по правде и справедливости, в согласии со своей совестью. Это – любовь к своей Родине, служение России. Мы убеждены, что патриотизм – это ценностная основа, создающая энергию совместных действий».¹² Из указанной формулировки мы видим, что идеологическая платформа нового русского консерватизма достаточно успешно начинает транслироваться в общественное сознание в форме пропагандистских клише.

Подводя итог внутривластным процессам, оказавшим влияние на внешнюю политику современной России, следует подчеркнуть несколько важных моментов. Во-первых, переформатирование российской элиты и выстраивание новой идеологической и ценностной платформы – это два параллельных процесса стартовавших в конце 2011 года на фоне стремления правящей элиты укрепить свои позиции во власти. В основе российской внешнеполитической доктрины лежит явный стимул в виде стремления защитить существующую политическую систему от внешнего воздействия. Иными словами, одним из главных побудительных мотивов российской элиты лежит защита от возможного воздействия извне, которое может привести к утрате ею власти в государстве или расшатыванию политической системы. Данный феномен отнюдь не нов в новейшей истории России. Подобные явления мы могли наблюдать в 2004–2007 годах после череды смены политических режимов в ряде постсоветских государств. В своем нынешнем виде он получил новые идеологические и политические черты. Несколько изменилась логика построения отношений России с внешним миром и усилилась необходимость консолидации российского общества вокруг правящей элиты. Украинский кризис, вопреки распространенному мнению, не оказал принципиального воздействия на политику России. Он лишь ускорил и усилил тенденции, наметившиеся задолго до его начала.

Евразийский интеграционный проект

Международный контекст, оказывающий влияние на российскую внешнюю политику можно условно разделить на два уровня. Первый уровень – это стратегии России по реализации планов Евразийской интеграции. Второй уровень – процессы в мировой политике, оказывающие влияние на экономическую и военно-политическую безопасность в мире и сопредельных с Россией регионах.

¹² «Манифест Общероссийского национального фронта», принят 12 июня 2013 года, доступно на <http://onf.ru/structure/documents/manifest>.

Евразийский интеграционный проект в последние годы занимает одно из наиболее приоритетных мест в российской внешнеполитической повестке дня. Под данным проектом следует понимать не просто стремление придать России больший политический и экономический вес на постсоветском пространстве. Речь идет о долгосрочной стратегии развития, в которой, по мнению российского правящего класса и лично Владимира Путина, заложен ответ на вопрос о перспективах встраивания России и ее ближайших союзников в сложную конкурентную структуру многополярного мира 21 века. Причин по которым данный проект следует рассматривать отдельно от текущего внутривнутриполитического контекста – несколько. Во-первых, российская идея ре-интеграции пост-советского пространства имеет длительную историю и прошла несколько этапов своей трансформации на протяжении последних пятнадцати лет.¹³ Функционирование Евразийского экономического союза, ОДКБ, ШОС и некоторых других интеграционных конструкций являются результатом довольно сложного и не всегда успешного стремления российской политики соединить политическую мотивацию с экономическим фундаментом. Во-вторых, долгосрочный экономический потенциал развития России во многом связывается экспертами со способностью государств пост-советского пространства сформировать общий рынок и стать эффективным звеном в цепи взаимодействия между растущим Востоком в лице Индии и Китая и Европой. В-третьих, целый ряд республик пост-советского пространства имеют внутренние мотивы для встраивания в проект евразийской интеграции. Эти мотивы связаны не с внешним воздействием России, а с собственными стратегиями некоторых республик Центральной Азии и Южного Кавказа, которые связаны с их внешними и внутренними экономическими и политическими вызовами.

Тем не менее, связывая большие политические перспективы с успехами евразийской интеграции, основные усилия российской внешней политики направлены на борьбу с возможными угрозами на пути реализации этого проекта. Именно с этой точки зрения следует рассматривать влияние пост-советского пространства на внешнюю политику Кремля. Евразийский проект, по мнению Москвы, существует в условиях жесткой конкуренции и это объясняет довольно нервную и жесткую реакцию России на любые видимые или мнимые попытки ослабить его динамику со стороны любых внешних или внутренних игроков.

При этом, следует отметить, что у идеи Евразийской интеграции на пространстве СНГ нет прямой конкуренции. Интеграционные импульсы, которые уже запущены и реализуются (Таможенный союз, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ) в своей совокупности приобрели на сегодняшний день настолько широкий размах и достигли такой глубины, что любой альтернативный проект взаимодействия, который теоретически может быть запущен любым внешним игроком, составить им конкуренцию не сможет. По крайней мере, в обозримой перспективе.

¹³ Подробнее об этапах пост-советской интеграции см. Teodor Lucian Moga and Denis Alexeev, "Post-Soviet States Between Russia and the EU: Reviving Geopolitical Competition? A Dual Perspective," *Connections: The Quarterly Journal* 13:1 (2013): 41–51.

Тем не менее, подводные камни и скрытые препятствия на пути реализации данного проекта существуют и они весьма существенны. Как показывает ситуация на Украине у российских опасений относительно плавного вовлечения в интеграционные процессы крупных экономических партнеров есть серьезные основания.

Активность России по интенсивному «собираению» постсоветского пространства в рамках разного рода экономических и политических объединений воспринимается в политических и экспертных кругах США как повод для определенного беспокойства вне зависимости от партийной и идеологической принадлежности. Так, в апреле 2012 журнал *The National Interest* опубликовал статью крупного эксперта по внешней политике России, Джеффри Манкоффа, Заместителя директора Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне. По его мнению, центристские тенденции, спонсируемые Россией, влекут опасность того, что вовлекаемые в них страны, скорее всего, утратят самостоятельность в своей внешней политике и будут следовать за Россией в своей позиции по целому ряду важнейших международных проблем.¹⁴ Данный факт воспринимается в США достаточно подозрительно не только на экспертном, но и на официальном уровне. Государственный секретарь Хиллари Клинтон, в своем выступлении в декабре 2012 заявила, что США будут стремиться «замедлить или предотвратить» процессы евразийской интеграции, усматривая в ней элементы возрождения СССР.¹⁵

Подобные высказывания американских экспертов и политиков дают Москве однозначный повод думать, что США будут всячески препятствовать любым интеграционным проектам в Евразии. При этом, в США признают значительные экономические выгоды, которые сулит интеграция бывшим советским республикам, подчеркивая «колоссальные преимущества» единого рынка перемещения товаров и людей. «Возрождение региональной специализации, существовавшей еще в бывшем СССР, даст возможность сделать акцент на сравнительных преимуществах, которыми обладают республики перед лицом возрастающей международной конкуренции».¹⁶ При таких обстоятельствах выводы, которые делает Кремль, можно выразить следующим образом: США хотят воспрепятствовать интеграции на пост-советском пространстве, поскольку не хотят, чтобы Россия и ее союзники получали выгоды, которые несет в себе это объединение.

Что касается Европейского Союза, то, в представлениях Кремля, активность и возможности ЕС, как самостоятельной силы в регионе бывшего СССР более ограничены по сравнению с США. Поэтому жесткое давление со стороны ЕС на Украину в вопросе подписания договора об ассоциации воспринимается Россией как часть консолидированной стратегии Запада по недопущению реализации россий-

¹⁴ Jeffrey Mankoff, "What a Eurasian Union Means for Washington," *The National Interest*, 19 April 2012, <http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821>.

¹⁵ Charles Clover, "Clinton Vows Thwart New Soviet Union," *Financial Times*, 6 December 2012, www.ft.com/intl/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz3C4y5Vkp.

¹⁶ Mankoff, "What a Eurasian Union Means for Washington."

ского интеграционного проекта. В такой логике мышления, резкая реакция России и тенденция винить во всех трудностях на пути к евразийской интеграции коллективный Запад выглядит вполне объяснимо. Москва считает, что основные усилия по препятствованию проводимой интеграции Брюссель и Вашингтон направят не на страны уже выразившие заинтересованность в ее углублении, а на государства, которые представляют для России существенный интерес, но колеблются в своем выборе (Украина, Таджикистан и Киргизия).

Важной особенностью российского подхода к политике на пост-советском пространстве является парадоксальное и упорное стремление видеть в любых препятствиях в достижении консенсуса с соседями не собственные внешнеполитические ошибки и просчеты, а противодействие со стороны внешних сил. В первую очередь со стороны ЕС и США. Данный факт связан с пост-советскими комплексами российской элиты и геополитическим взглядом на большинство процессов, происходящих в мире.

Безусловно, на пост-советском пространстве есть государства, которые весьма негативно относятся к проектам интеграции, предлагаемым Москвой. Лидеры и эксперты из этих стран неоднократно публиковали критические высказывания в адрес российских инициатив.¹⁷ Однако в Москве убеждены, что самостоятельно эти республики не могут значительно повлиять на процессы интеграции на евразийском пространстве, но вполне могут предоставить свои территории и политические ресурсы для поддержки конкурентов России.

В данных условиях главное, что может предпринять Москва – это сделать перспективы евразийской интеграции экономически привлекательными для соседей. Подобные тактики уже реализовывались Москвой в рамках Таможенного Союза в период с 2012 года. Как пишет Казахстанское издание Республика KZ: «Создавать структуры интеграции России приходится не просто на паритетных условиях, а на постоянных уступках. Россия уже отдает Казахстану и Беларуси больше денег в виде пошлин, чем полагалось бы, если бы таможенные союзники рассчитывались с Россией по реальному импорту. Но Москва готова идти дальше. Ради скорейшего подписания договора о евразийской экономической комиссии российские переговорщики разменяли свое категорическое требование о принципе взвешенного голосования в ЕЭП (по нему РФ имеет 57% голосов) наравноправное представительство сторон. То есть одна страна – один голос. Если к Таможенному союзу присоединятся Кыргызстан и Таджикистан, вес РФ в евразийской комиссии

¹⁷ «Евразийский Союз или привилегии Запада (обзор грузинской прессы и комментариев грузинских экспертов)», *ИноСМИ*, 19.04.2012, доступно на <http://inosmi.ru/caucasus/20120419/190807068.html>; «Решит ли проблемы постсоветских республик Евразийский Союз?», интервью агентства Синьхуа с профессором Фикретом Садыховым, Азербайджан, *Xinhua News Agency*, 01.12.2011, доступно на <http://russian.people.com.cn/95181/7662225.html>; David Trilling, “Uzbekistan’s Karimov Lashes Out at Putin’s Union,” *Eurasia Net.org*, 9 December 2011, доступно на <http://www.eurasianet.org/node/64666>.

снизится с 1/3 до 1/5».¹⁸ Россия также готова делать существенные инвестиции в союзные государства. К примеру, в мае 2014 года было принято решение вложить в различные инфраструктурные проекты в Киргизии около \$ 1.5 млрд. только на то, чтобы помочь ей эффективно войти в состав Евразийского экономического союза. Это при том, что годовой товарооборот между Россией и Киргизией составляет около \$ 2 млрд. По оценкам экспертов от участия в едином таможенном пространстве в период с 2015–2017 российский бюджет ежегодно теряет около \$ 1.5 млрд.¹⁹

Безусловно, наиболее значимым партнером с точки зрения экономических и геополитических перспектив пост-советской интеграции для российского политического руководства, и лично для Путина, является Украина. Именно здесь начиная с 2012 года наблюдается двусторонние попытки ЕС и России предложить различные варианты стратегий по привлечению колеблющегося правительства Януковича в евразийский или европейский сценарий интеграции. Однако поворотным моментом для Кремля стали события по смене политического руководства. В этом российские лидеры усматривают модель сценариев цветных революций, которые уже имели место в начале 2000-х. Учитывая уже упомянутые фобии Москвы относительно стратегий США и ЕС по выдавливанию России из сфер ее жизненно важных интересов, столь резкая и жесткая реакция России выглядит вполне объяснимо. Как нам представляется, Путин решил, что в украинском вопросе Запад перешел красную линию в негласном консенсусе между Россией, США и странами ЕС: не использовать инструменты политического давления и силовой смены режимов в конкуренции за влияние на пост-советском пространстве. Именно нарушением этого *status quo*, на наш взгляд, можно объяснить решение об аннексии Крыма и поддержке сепаратистского движения на Юго-Востоке Украины.

Формат данной статьи не предполагает анализа украинских событий и оценок действий той или иной стороны в конфликте. Однако, по мнению автора, российские лидеры искренне убеждены, что силовое вмешательство, аннексия Крыма и поддержка сепаратистских настроений на Юго-Востоке Украины, является наиболее адекватной защитной реакцией на свержение Януковича и смену политического курса Украины, поддержанного ЕС и США. Только таким образом им видится возможность обеспечить жизненно важные национальные интересы России в Евразии. Таким образом, мотивация внешнеполитической стратегии России в контексте интересов на постсоветском пространстве также укладывается в формулу защиты от деструктивного внешнего воздействия. Способы этой защиты становятся более решительными и сопряжены с человеческими жертвами. Однако эти жертвы, по мнению Кремля, оправданы, поскольку ставки в конкурентной борьбе были сознательно повышены оппонентами. События 2008 в Грузии на-

¹⁸ Александр Караваев, «Вертикаль Евразии», *Республика KZ*, 15.11.2011, доступно на <http://www.respublika-kaz.info/news/politics/18610>.

¹⁹ Яна Милюкова, Петр Нетреба, Юлия Забавина, «Россия покупает лояльность союзников давай кредиты и прощая долги», *РБК daily*, 12.08.2014, доступно на <http://rbcdaily.ru/economy/562949992116488>.

глядно продемонстрировали, что Россия готова использовать военную силу в случае, когда затронуты ее стратегические и геополитические позиции. Украинские события во многом повторяют Грузинский сценарий. Главное отличие состоит лишь в том, что Украина является значительно более важным геополитическим пространством для России. Следовательно, уровень российской вовлеченности и решительности в отстаивании своих интересов будет значительно выше.

Подводя итог данному разделу, следует сказать, что реализация интеграционной стратегии на пост-советском пространстве является одним из центральных приоритетов в российской внешней политике. Евразийский Союз, как национальный проект Кремля, является не только ответом на экономический и политический вопрос развития России, но и средством выживания России, как заметного игрока на международной арене. Именно такие логические конструкции следует видеть в представлениях Владимира Путина и его ближайшего окружения о той долгосрочной внешнеполитической стратегии, которую должна реализовывать Российская Федерация.

На наш взгляд, наиболее уязвимым местом в российской концепции евразийской интеграции является нежелание рассматривать проблемы выстраивания отношений со своими соседями, как следствие собственных дипломатических ошибок и просчетов. Москва настойчиво пытается увидеть в них следы геополитического противостояния с Западом. Поэтому в большинстве случаев, любые процессы сближения США, ЕС и республик бывшего СССР воспринимаются в Кремле очень болезненно. Таким образом, ситуация в российском приграничье дает, во-многом, защитную мотивацию поведению России и стремление обезопасить себя от недружественного, по мнению российских лидеров, внешнего воздействия. Логика поведения страны, как «осажденной крепости» и тенденция к самоизоляции, которые ранее уже приводили к негативным экономическим и политическим последствиям для государства, возвращается в основу внешнеполитического курса Москвы.

Ситуация в области международной безопасности

Анализ факторов, определяющих российскую внешнюю политику был бы не полным, если бы мы не упомянули более широкий международный контекст, который также важен для понимания логики и содержания российской внешней политики. Заметное воздействие на то как Россия видит свое место в международных отношениях, оказывает общая неопределенность того, каким образом будет эволюционировать система международных отношений. Появление новых вызовов и угроз, связанных с весьма нестабильной ситуацией в сфере международной безопасности, приводят к расхождениям в оценках данных процессов ключевыми игроками на мировой арене. Однако, стоит признать, что международный контекст оказывает существенно меньшее воздействие на характеристики российской внешней политики и затрагивает только отдельные ее составляющие. Это касается в первую очередь сближения с новыми глобальными игроками среди стран БРИКС и модернизации оборонного потенциала страны.

Разность в оценке характера и степени современных угроз в Евразии стала заметна еще в июне 2008, когда только избранный президент Дмитрий Медведев предложил партнерам в Европе новый «Договор о Европейской безопасности». В нем предлагалось отойти от принципов «атлантизма» в подходах к обеспечению стабильности в Европе. Исходя из содержания документа, Россия предлагала снизить роль НАТО в качестве основного гаранта архитектуры безопасности в регионе и ввести новые элементы, которые давали бы не членам НАТО определенные права и гарантии участия в процессе принятия решений.²⁰ Однако, по понятным причинам, данные инициативы были отвергнуты странами НАТО и усилия России по ослаблению влияния США на вопросы безопасности в Европе оказались бессмысленны. Дальнейшие события в Грузии в августе 2008 еще больше углубили накопившиеся противоречия между Россией и ее западными партнерами.

Снизить уровень напряженности должна была «перезагрузка» отношений между Россией и США, стартовавшая в 2009 году. Однако ее результаты оказались далеки от тех, на которые надеялись ее архитекторы. К сожалению, количество противоречий по целому ряду вопросов от Иранской ядерной программы, до системы ПРО в Европе существенно разочаровали оптимистов. Новый этап сближения между Россией и Западом так и не смог быть реализован в полной мере. Таким образом, был подтвержден тезис о том, что отношения между Россией и США носят волнообразный характер и за периодом сближения следует длительный этап охлаждения, который носит системный характер.

События «Арабской весны» добавили неопределенности в характеристики международной безопасности. Демократический подъем в исламском мире обернулся расширившимися вызовами экстремизма и радикализма в Сирии и Ираке. Ливийский и Сирийский кризисы ярко показали, что в условиях политической неопределенности, фактор силы в международных отношениях продолжает сохранять приоритетное значение. «Арабская весна» укрепила российское руководство в правильности интерпретации фундаментальных основ международной ситуации. Смена политических режимов в Ливии, Египте и ряде других государств не стимулировала импульс демократии в регионе. Напротив, вызвала новый виток конфликтов и усиление экстремистских и радикальных движений. Это привело к углублению взаимного недоверия между Россией и Западом, а также к эскалации споров относительно того, как международное сообщество должно реагировать на современные вызовы.

Исходя из роста количества очагов конфликтов в мире, в понимании Москвы, единственным ответом на поддержание системы международной безопасности является укрепление многополярности. Формирование альтернативных Западу центров силы в лице Китая, стран Южной Америки, Индии и самой России должно, по мнению Кремля, стать гарантией поиска политических компромиссов по широкому спектру современных вызовов международной безопасности на уровне ООН и других международных организаций.

²⁰ Проект договора о Европейской безопасности, доступно на www.kremlin.ru/news/6152.

Заинтересованность России в поддержании многополярной структуры мира выражается и в усилении собственной военно-политической мощи. На это направлена стартовавшая в 2011 году кампания по наращиванию российских расходов на оборону до 20 триллионов рублей до 2020 года. Государственная программа вооружений 2020 (ГПВ–2020) имеет довольно широкий спектр и большие амбиции обновить российские вооружения в армии, флоте и ВВС на 70–85%. Стоит отметить, что некоторые эксперты и обозреватели говорят, что российская программа слишком сложна для выполнения, а цели, которые она ставит перед собой, трудновыполнимы в указанные сроки.²¹ Однако даже в ограниченном варианте она приведет к существенному росту военного потенциала России. Следует особо отметить, что старт программы не был связан с обострением отношений России со странами Запада и стартовал задолго до окончательного отказа от перезагрузки и событий на Украине. Это подтверждается и тем, что за последние годы Россия постаралась максимально снизить зависимость армии от зарубежных технологий. В результате, по оценкам экспертов, санкции против российских оборонных предприятий и ограничение сотрудничества в оборонной сфере имели относительно малый эффект.

Однако по нашему мнению, российская политика в вопросах касающихся ключевых международных проблем, очень часто является отражением процессов, происходящих в самой России и в ее ближайшем окружении. Именно там, в большей степени формируется контекст взаимодействия с крупнейшими центрами силы в мире. При этом, активность политики России в важнейших проблемах международной безопасности связана со стремлением укрепить свой статус независимого центра влияния на международную безопасность. Комплекс поддержания статуса великой державы продолжает доминировать в ментальности российской элиты.

* * *

Представленный анализ трансформации современной российской политики позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, российская политическая система вступила в очередной этап своего ценностно-идеологического оформления. Политические реформы последних лет создали целый набор фильтров, связанный с консервацией определенного характера современной российской политической системы. Процесс «национализации» элиты все больше укрепляет ее отрыв от ценностно-идеологических связей с Западом. С высокой долей вероятности можно утверждать, что при сохранении существующего характера распределения власти в России, подобный курс будет сохраняться достаточно долго. Широкая информационная и пропагандистская кампания по формированию общественного мнения в России обеспечила высокий рейтинг Владимира Путина и широкое одобрение его

²¹ Юрий Федоров, «Государственная программа вооружений – 2020: Власть и промышленность», *Индекс безопасности* 19:4(107) (2013), доступно на <http://www.pircenter.org/media/content/files/12/13880454280.pdf>.

политики в отношении Украины и стран Запада. Все это дает основание считать, что эскалация напряженности в регионе имеет высокий потенциал устойчивости.

При этом, новый формат политических приоритетов и ценностей позиционируется российской властью, как ответная реакция на недружественные устремления российских партнеров подорвать сложившуюся систему государственной власти в России и ущемить ее интересы. Однако это не означает, что Россия превращается в милитаристскую диктатуру. Это отнюдь не так и подобный шаг, на наш взгляд, невозможен в условиях развития российского государства и общества. В действиях России присутствует логика укрепления в качестве полноценного центра силы в новой иерархии международных отношений. Однако этот процесс проходит в рамках специфического российского понимания способов достижения поставленных целей. В России сохраняется вера в *realpolitik* как основу современного мирового порядка. Сохранился также и геополитический взгляд на систему международных отношений, усиленную наследием советской и российской истории.

Сложности на пути евразийского проекта интеграции, который активно продвигает Россия, также оказывают определяющее влияние на характеристики внешнеполитической линии Москвы. Решимость в применении силы и жесткого отстаивания интересов на различных международных форумах становится сопутствующим атрибутом интеграционной стратегии России. Без выработки взаимоприемлемого и устойчивого консенсуса между Россией и ее партнерами относительно взаимодействия в Евразии существует опасность сползания в длительный конфликт, который может обернуться серьезными проблемами, как для самой России, так и для ее соседей в Восточной и Западной Европе.

Тем не менее, нынешний этап становления новой российской внешней политики и обострение отношений с Западом не несет в себе ничего принципиально нового. Все это уже наблюдалось в двусторонних отношениях в России и Запада в постсоветский период. Яркое тому подтверждение Операция НАТО в Югославии 1999, Косово и Грузия 2008 года. Каждый из предыдущих кризисов удавалось разрешить путем взаимных уступок и коррекции политического курса обеими сторонами конфликта. Однако отличие современного конфликта заключается в расширившемся круге военно-политических возможностей России. Это создает опасную иллюзию того, что она способна эффективно противостоять долгосрочному давлению со стороны стран Запада. Кроме того, существенное влияние на данный конфликт оказывает усложнение международной обстановки, связанной с появлением новых угроз международной безопасности. Возросшие риски ведут стороны к возвращению к логике противостояния времен Холодной войны, что контрпродуктивно и опасно в условиях существования общих угроз в лице терроризма и экстремизма, набирающего силу в регионе Северной Африки и Среднего Востока.

Сумеют ли Запад и Россия найти приемлемый баланс интересов в складывающихся условиях? Вероятно выработка сценария политического консенсуса между Европой и Евразией все же необходима. Опыт неудавшейся «перезагрузки» дол-

жен быть учтен в последующем налаживании нового формата отношений между Россией и ее партнерами на Западе и на Востоке. Безусловно, в складывающемся конфликте Россия выступает как более слабый противник по сравнению с консолидированным Западом в лице ЕС и США. В этой связи, именно Западным партнерам будет проще и правильнее предложить целостную политическую программу выхода из кризиса, которая станет дорожной картой для России и Украины. Это могло бы снизить уровень противоречий. Возможно, более глубокое понимание логики, особенностей и движущих сил в российской внешней политике поможет облегчить эту задачу.

Литература

Clinton Vows Thwart New Soviet Union. *Financial times* (2012).

Uzbekistan's Karimov Lashes Out at Putin's Union. Eurasia Net.org, 2011.

What a Eurasian Union Means for Washington. *The National Interest* (2012).

Бирюков, Сергей. "Всепроникающая клиентелла." *Свободная мысль* 7 (2012): 32-3.

Евразийский Союз или привилегии Запада In обзор грузинской прессы и комментариев грузинских экспертов. ИноСМИ, 2012.

Караваев, Александр. *Вертикаль Евразии*. Республика KZ, 2011.

Крыштановская, Ольга. "Режим Путина: либеральная милитократия?" *Pro et Contra* 7, no. 4 (2002): 158-80.

Манифест Общероссийского национального фронта., 2013.

Милюкова, Яна, Петр Нетреба, and Юлия Забавина. *Россия покупает лояльность союзников давая кредиты и прощая долги*. РБК daily, 2014.

Мога, Теодор Лукиа, and Денис Алексеев. "Постсоветские государства между Россией и ЕС: возрождение геополитического соперничества? Двойственная перспектива." *Connections: The Quarterly Journal* 13, no. 1 (2013): 49-61.

Петухов, Владимир. *Проект создания консервативного человека для современной России: социальные реалии и перспективы* In *Стенограмма выступления*. Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 2014.

Политбюро 2.0 Накануне перезагрузки элитных групп In *Доклад Коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг».*, 2013.

Поляков, Леонид. "Пять парадоксов российского консерватизма." *Отечественные записки* 17, no. 2 (2004).

Послание президента Владимира Путина Федеральному собранию., 2013.

Президент взял курс на консерватизм. *Независимая газета* (2013).

Проект договора о Европейской безопасности., 2009.

Решият ли проблемы постсоветских республик Евразийский Союз? In *интервью агентства Синьхуа с профессором Фикретом Садыховым*. Азербайджан: Xinhua News Agency, 2011.

Стенограмма Послания президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию. *Российская газета* (2012).

Федоров, Юрий. "Государственная программа вооружений – 2020: Власть и промышленность." *Индекс безопасности* 19 19, no. 4 (2013): 107.

Чирикова, А.Е.. *Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен* // *Политические исследования*. Vol. 6., 2008.

Эксклюзивное интервью Владимира Путина Первому каналу и агентству Associated Press., 2013.